

Правила о терпимости масонства в Российской Империи в 1811 г.: источниковедческий анализ

Дмитриев Алексей Вениаминович

аспирант, Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования
"Гуманитарный университет"

620131, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Викулова, 38А

✉ talveg@mail.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

Аннотация.

Отношения государства и масонских лож вызывали и вызывают неподдельный многоаспектный интерес. Цель настоящего исследования – дать источниковедческий анализ приложению «лит. А» к записке особенной канцелярии министерства полиции. Автором производится 1) установление достоверности источника и точности содержащихся в нем сведений; 2) установление года, наименования, юридической силы, цели, полноты и значения источника. Основанием для такого исследования послужили работы над источником, начатые В.И. Семевским, Г.В. Вернадским и А.И. Серковым. Используются методы сравнительного правоведения, юридического источниковедения, для характеристики документа использованы приемы внешней и внутренней критики. В статье производится сравнение правил 1811 г. и указа прусского короля 1798 г. Показывается значение правил для законодательного регулирования деятельности масонских лож. В статье впервые проводится юридический источниковедческий анализ правил 1811 г. Введение правил послужило образцом русского варианта модернизации законодательного регулирования масонства.

Ключевые слова: русское масонство, терпимость масонства, Фесслер, Сперанский, Балашов, Фок, Вязмитинов, Бебер, реформа масонства, легализация масонства

DOI:

10.25136/2409-868X.2018.7.25601

Дата направления в редакцию:

15-04-2018

Дата рецензирования:

16-04-2018

Тема масонства традиционно привлекает интерес широкой публики. Это и понятно, ведь масоны являлись хранителями тайны, не известной обывателю, что вызывало у последнего любопытство, подозрения и даже страх. В истории России был период, когда

масонство было весьма популярно в дворянских кругах, поэтому русское масонство – это прежде всего часть наследия дворянской культуры. Обращение к историческому опыту России не может быть малозначимым для всякого культурного русского человека. Сегодня русское вольное каменничество возродилось, открываются новые ложи, а вопросы взаимоотношения государства и масонства остаются актуальными. От того, как складывались отношения масонских лож в Российской Империи в конце XVIII-начале XIX века, зависит взгляд на проблему официального признания масонства. Беспристрастно изложить её – значит по возможности отстраниться от крайностей, сосредоточить внимание на документах. Об одном из таких документов, относящемся к вопросу легализации вольных каменщиков, и пойдет речь.

Цель исследования – дать историко-юридическую характеристику тексту, обозначенному как приложение «лит. А», расположенному в Сборнике исторических материалов 1902 года. Задачами, таким образом, будут: 1) установление достоверности источника и точности содержащихся в нем сведений; 2) установление года, наименования, юридической силы, цели, полноты и значения источника [\[1, с. 287\]](#). Объектом исследования, соответственно, будет выступать текст указанного приложения, а предметом – его историко-юридическая характеристика. Объект и предмет исследования определили используемые методы исследования – дедуктивный, историко-правовой и сравнительно-правовой.

В историко-правовом ключе вопрос не разрабатывался. По утверждению А.Н. Пыпина, сделанному в начале XX века, «история масонского движения во времена импер. Александра до сих пор мало известна. По существующим в печати материалам трудно еще составить о них достаточно ясное понятие» [\[2, с. 320\]](#). И сегодня в отечественной истории по этому вопросу сохраняются пробелы. Впервые исследуемый текст был извлечен из Архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии и опубликован Н.Ф. Дубровиным лишь в начале XX века, тогда же Г.В. Вернадским был выписан текст аналогичного содержания из военно-ученого архива Главного Штаба, но не был опубликован. В.И. Семевский в статье «Декабристы-масоны» в февральском номере журнала «Минувшие годы» за 1908 г. [\[3, с. 19,20\]](#) излагает содержание источника. А.И. Серков в 2000 году дал краткий анализ источнику в монографии «История русского масонства XIX века».

Теоретической базой исследования послужили исторические и юридические исследования Г.В. Вернадского, Е.А. Вишленковой, Н.Ф. Дубровина, В.Ю. Захарова, С.В. Кодана, Ю.Е. Кондакова, С.А. Корфа, А.Ю. Минакова, И.В. Михеевой, Б.Э. Нольде, А.Н. Пыпина, Ф. Севастьянова, В.И. Семевского, А.И. Серкова, Т.О. Соколовской, В.М. Сырых, Г.Ф. Шершеневича, Н.К. Шильдера, В.Г. Щеглова.

Достоверность документа

В 11-м выпуске «Сборника исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии», изданном в 1902 году, мы обнаруживаем после записки В.В. Мусина-Пушкина Брюса от 03 февраля 1819 г. записку о масонстве особой канцелярии Министерства Полиции (в тексте канцелярия названа «особой», речь идет об особенной канцелярии министра (с 1817 – министерства) полиции в 1811-1819 гг.) без даты и без автора [\[4, с. 589; 5, с. 672; 6, с. 719, 7, с. 797\]](#) и приложение к ней под литерой «А» [\[8, с. 311-314\]](#).

Записка изложена составителем Н.Ф. Дубровиным (генерал-лейтенант, академик и

секретарь (с 1893 г.) Академии наук) [\[8, с. 291-311\]](#). Записка опубликована в разделе «К истории масонства» сразу после записки В.В. Мусина-Пушкина Брюса от 03 февраля 1819 г. [\[8, с. 284-291\]](#). Характеристики приложению «лит. А» составителем сборника не дается. Приложение представляет собой текст §§64 и 65 Устава Благодичиния (но номера параграфов в тексте не указаны), а также правила о том, какие масонские ложи признавать терпимыми, а какие из них следует запрещать. Текст выполнен в виде нормативного документа, состоящего из преамбулы и 13 параграфов. После приложения «лит. А» идут приложения «лит. В», «лит. С» и «лит. D». Автором сборника в 1-м выпуске, изданном ещё в 1876 году, поясняется, что составителем «имелось в виду сгруппировать, по возможности, документы однородного содержания в подлежащие более или менее самостоятельные отделы, и за тем, разместить бумаги[,] принадлежащие к каждому из них[,] в исторической их последовательности» [\[9, с. VIII\]](#). На основании такого «плана» был составлен Н.Ф. Дубровиным и 11-й сборник [\[9, с. VIII\]](#). То есть документы должны быть, по возможности, расположены по теме масонства в «исторической их последовательности». Вероятно, составитель полагал, что записка особенной канцелярии была изготовлена позднее письма В.В. Мусина-Пушкина Брюса, то есть после 03 февраля 1819 г.

При ознакомлении с секретным архивом Собственной Его Императорского Величества канцелярии, находящемся сегодня в фондах Государственного архива Российской Федерации, мы находим тот же самый документ под названием: «Проект условий существования обществ, товариществ, братств и др. организаций, в том числе разрешенной правительством масонской ложи «Владимира к истине» (далее – «Проект условий») [\[10\]](#). **Разница с текстом, приведенным Н.Ф. Дубровиным, незначительна:** опубликованный Н.Ф. Дубровиным вариант в преамбуле не содержит «§64» и «§65», транскрипция начала XIX века «/:» и «:/>» заменена им на «(« и «)»; в §1 слово «клятвенно» заменено на «клятвою», слово «голосом» заменено на «словесно», словосочетание «следующих параграфах» заменено на «следующем параграфе»; в §4 словосочетание «или будут причиняты» изменено на «или будут причинами»; в §6 слово «непозволенность» заменено на «недозволенность»; в §7 словосочетание «не имеет» заменено на «не имел», слова в словосочетании «будут способствовать» поменяны местами; в §8 слово «естьли» заменено на «если», словосочетание «двух годичного» заменено на слово «двух-годичного»; в §9 слова «кто либо» заменено на слово «кто-либо»; в §10 слово «каждогодно» заменено на «ежегодно»; в §§8-10, 12,13 слова «Министр Полиции» у Н.Ф. Дубровина напечатаны с маленькой буквы; есть и другие редакционные правки. Это свидетельствует, что Н.Ф. Дубровин отпечатал рукописный текст «Проекта условий». Ввиду того, что Н.Ф. Дубровин никак не назвал текст приложения «лит. А», можно предположить, что данное название было критически воспринято Н.Ф. Дубровиным либо присвоено тексту позднее.

Очень похожий текст был законспектирован Г.В. Вернадским из Военно-Ученого архива Главного Штаба по каталогу, составленному Бендером [\[11, лл. 54-55\]](#).

Документ упоминается и в секретном отношении министра внутренних дел к начальнику главного штаба от 9 января 1826 г. за №13, которое целиком опубликовано Т.О. Соколовской [\[12, с. 344\]](#).

С текстом документа ознакомился также В.И. Семевский и изложил его содержание в статье «Декабристы-масоны» [\[3, с. 19, 20\]](#).

Наименование документа

Документ не имеет названия. В секретном архиве III отделения Е.И.В. канцелярии документ именуется проектом условий существования обществ, товариществ, братств и др. организаций, в том числе разрешенной правительством масонской ложи «Владимира к истине». В самом тексте, в §§9 и 13, положения документа именуются пространно «постановлениями» [8, с.314]. А.И. Серковым данный документ обозначен как проект «постановления» [13, с. 87]. Однако вынесение постановлений в практике министерства полиции в 1811-1819 гг. отсутствовало. Практика вынесения постановлений имела у коллегиальных органов – Сената («Рапорт обер-прокурора Сената Баранова Д. министру юстиции, записка Баранова Сенату и постановление Сената о повышении цен на узаконения, издаваемые Сенатом» [14]), Комитета министров («Переписка с военным министром о применении постановления Комитета министров о предоставлении губернаторам пограничных губерний более широких полномочий для наблюдения за населением» [15]). Может, имела в виду принадлежность документа к правовым актам? Ведь в то время любой правовой документ именовался постановлением [16, с. 64; 17, с. 92, 98, 99, 103]. Очевидно, что **«постановление» в данном контексте относится не к названию документа, а к его характеристике как документа, относящегося к разряду правовых актов.**

Во-вторых, министерство полиции в то время (1811-1819 гг.) принимало инструкции, циркуляры или циркулярные предписания, которые содержатся в большом количестве в Государственном архиве Российской Федерации (в описи За «Секретный архив. Вопросы внутреннего положения и внутренней политики царского правительства 1820-1880 гг.» фонда 109 «Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии» [18], в описях 1 «Опись о противоправительственных выступлениях, положении крестьян, об Отечественной войне 1812 г. и др. вопросам. 1810-1826» и 2 «Опись о борьбе со шпионажем, наблюдении за иностранцами и др. вопросам. 1808-1826» фонда 1165 «Особенная канцелярия министерства внутренних дел») [19]. Однако текст приложения «лит. А» адресован не столько министерству полиции и его чиновникам, сколько определяет правила создания и деятельности масонских лож в Российской Империи. В нем не имеется соответствующих реквизитов, дат согласования и утверждения текста, установления системы отчетности и меры ответственности должностных лиц. Текст не подпадает под эту категорию актов.

В-третьих, текст приложения не является указом, поскольку также не обладает необходимыми реквизитами. В реквизитах высшего законодательного акта обязательно указываются дата и номер, наименование и фамилия должностного лица, которому адресован указ или высочайшее повеление, текст изложен от первого лица (например, «Главномукомандующему в С.-Петербурге, генералу от инфантерии Вязмитинову. 4 июля за №18» [9, с. 90] или «Министру полиции Балашову. 28 августа за №52» [9, с. 108]). В отдельных случаях указывается место высочайшего повеления (например, «Управляющему министерством полиции генералу Вязьмитинову. 20 Января за №51, г. Плоцк на Висле» [20, с. 25], «Управляющему министерством полиции генералу от инфантерии Вязьмитинову. 24 августа 1814 г. №144, г. С.-Петербург» [21, с. 69]).

В секретном отношении министра внутренних дел к начальнику главного штаба от 9 января 1826 г. за №13, опубликованной Т.О. Соколовской, документ назван «некоторыми правилами», предначертанными министром полиции масонским обществам в

руководство [\[12, с. 344\]](#).

В.И. Семевский называет документ «проектом предполагаемого устава» и одновременно «правилами» [\[3, с. 19,20\]](#).

В 1917 году Г.В. Вернадский при написании магистерской диссертации на тему «Русское масонство в царствование Екатерины II» конспектировал сведения о масонстве из военно-ученого архива Главного Штаба и дал характеристику постановлению, он назвал его правилами [\[22, л. 3; 23, л. 13\]](#). Правда, при переписывании текста правил в другом месте Г.В. Вернадский озаглавливает его как «записка об обществах» [\[11, л. 54-55\]](#). С учетом вышеуказанных замечаний для индивидуализации документа **не будет ошибкой назвать текст постановления правилами.**

Ещё в 1810 году со стороны высших чиновников Александру I предлагалось установить «постоянный, но незаметный надзор» за масонскими ложами посредством «тайных сношений» с министерством полиции, причем знать о надзоре и покровительстве правительства должны лишь «начальники ордена» [\[24, с. 381-383\]](#). Соответственно, в процессе принятия правил последние не должны были проходить через официальные органы и их журналы, а являлись основой для негласного, тайного надзора. Вот почему текст правил и не содержит никаких реквизитов, позволяющих идентифицировать его форму среди нормативных источников. Сравним текст правил с текстом указа Александра I о запрещении тайных обществ от 1 августа 1822 г. Текст указа начинается с обращения и преамбулы: «Граф Виктор Павлович. Беспорядки и соблазны, возникшие в других Государствах от существования разных тайных обществ, из коих иные под наименованием лож масонских, первоначально – Цель Благотворения имевших...» [\[25, л.1\]](#). Текст заканчивается предписанием должностному лицу: «Вы не оставите сделать все нужные к исполнению сего распоряжения, сообщая об оном и другим министрам, для Единообразного по сему предмету руководства. – и реквизитами: Подлинной собственною Его императорского величества рукою написано». Александр <...> Августа 1 1822 Года» [\[25, л.2\]](#). В тексте правил таких элементов текста (преамбулы и предписания) и реквизитов не имеется. Однако сами правила налицо. Могли ли правила существовать отдельно от акта, вводившего их в силу? Могли. Существование правил в виде отдельного документа подтверждается практикой министерства полиции, которое могло утвердить правила другим актом, о чем свидетельствуют, например, «Записка Министерства полиции об утверждении правил поселения иностранных переселенцев в Бессарабской обл.» [\[26\]](#), «Правила, циркулярные предписания Министерства полиции и переписка с губернаторами по вопросам пропуска через границу» [\[27\]](#).

Время составления документа

По утверждению В.И. Семевского, «проект предполагаемого устава» был принят в 1810 году одновременно с объявлением, сделанным министром полиции масонским ложам [\[3, с. 19, 26\]](#).

В секретном отношении министра внутренних дел к начальнику главного штаба от 9 января 1826 г. за №13 утверждалось, что правила были предначертаны министром полиции масонским обществам в руководство в 1810 году [\[3, с. 344\]](#).

Согласно А.И. Серкову, в ответ на письмо 8 октября 1811 г. М.Ю. Виельгорского к гр. А.К. Разумовскому «мастера всех лож получили проект постановления о масонских

ложах» [\[13, с. 87\]](#).

Г.В. Вернадский предположил, что правила были составлены в 1815 году, об этом свидетельствуют его конспективные записи: «Правила масонских собраний, выработанные[,] вероятно[,] Министром Полиции в 1815..» [\[23, л. 13\]](#) и «№29 дело №114 1815? Правила для масонских лож» [\[22, л. 3\]](#)

Чтобы разрешить проблему такого разброса дат в осмыслении историков, обратимся к тексту правил.

В §2 правил читаем: «Изо всех масонских лож терпима в С.-Петербурге одна ложа Владимира к истине». Из этого предложения следует, что при составлении правил в С.-Петербурге существовала ложа Владимира к истине [\[8, с. 311,312\]](#) (в тексте, скорее всего, имелась в виду Великая ложа Владимира к порядку [\[28, с. 1049\]](#)). Великим мастером с 1809 (1810) по 1815 гг. этой ложи был единственно И.В. Бебер [\[28, с. 1050\]](#), именно ему «благоугодно было повелеть, чтобы все ложи работали под управлением великой Директориальной ложи «князя Владимира к порядку», по древним, в Россию вошедшим актам и чтобы все ложи в России не иначе существовали и заводимы были, как под единственным распоряжением сей великой ложи и управляющего оною Великого мастера Бебера» [\[29, с. 468\]](#).

В §10 читаем: «Начальники 4 соединенных лож Владимира к истине должны ежегодно подавать министру полиции списки...». То есть в момент составления текста в союзе было всего 4 ложи: Александра к коронованному Пеликану, Елизаветы к добродетели, Петра к Правде и сама Великая директориальная ложа Владимира к порядку.

В 1812 году, по заверению И.В. Бебера, французские ложи (Соединенных друзей, Палестины в Санкт-Петербурге, ложа Изиды в Ревеле) «примкнули к союзу Великой Директориальной ложи Владимира к порядку», приняв «шведский обряд» [\[30, с. 189\]](#). Согласно А.И. Серкову, это объединение произошло в 1811 году [\[13, с. 88\]](#). По мнению В.В. Кучурина, французские ложи вынуждены были это сделать, «чтобы продолжить работы» [\[31, с. 17\]](#). В 1813 г. к союзу примкнула ложа Нептуна в Кронштадте [\[24, с. 399\]](#). Итого с 1813 г. в союзе Великой директориальной ложи Владимира к порядку находилось 8 лож: собственно Великая директориальная ложа Владимира к порядку, Александра к коронованному Пеликану, Елизаветы к добродетели, Петра к Правде, Палестины, Соединенных Друзей, ложа Изиды в Ревеле, Нептуна в Кронштадте.

Отсутствие в тексте сведений о дополнительных 4 ложах (а ими являлись ложи Палестины, Соединенных Друзей, Изиды, Нептуна) объясняется тем, что текст был принят в качестве проекта ещё в 1810-1811 годах, то есть до увеличения числа «терпимых» лож с 4 до 7 (в 1812 г.) и до 8 (в 1813 г.).

Обратимся также к краткой характеристике приложения «лит. А», данной в «Записке о масонстве особой канцелярии Министерства Полиции» [\[8, с. 307\]](#). Автор записки особенной канцелярии министерства полиции, по всей видимости, М.Я. Фон Фок, именно он в 1814-1818 гг. был правителем (с 4 октября 1818 г. – директором) особенной канцелярии министра полиции [\[32, с. 636; 5, с. 672; 6, с. 719; 7, с. 797; 33, с.854; 34, с. 426\]](#).

- 1) министр полиции (с 1810 г. им был А.Д. Балашов) «сообщил великому мастеру прилагаемый под литерою А опыт постановления о ложах, не в виде указа или закона»;
- 2) приложение «лит. А» было передано великому мастеру «как основание последовать

имеющего на сей конец устава»; 3) автором записки приложение охарактеризовано как составленное «без нужных сведений» и весьма недостаточное для регулирования деятельности лож; 4) доказательством недостаточности приложения «лит. А» автор записки посчитал «начертание» под «литерой В» в котором «сие постановление на тех же самых основаниях пополнено и сколько можно приспособлено к настоящим обстоятельствам».

Из данных четырех простых утверждений можно заключить, что М.Я. Фон Фок именует приложение «лит. А» «опытом постановления о ложах», которое было не достаточно для регулирования деятельности масонских лож, и поэтому было принято «начертание» под лит. «В». Исходя из содержания приложения «лит. В», в котором указано на терпимость Великой директориальной ложи Астреи [8, с. 316], которая была создана 30 августа 1815 года [8, с. 309; 29, с. 474], у А.И. Серкова – 20 августа 1815 г. [28, с.1044], следует, что приложение «лит. В» было принято не ранее осени 1815 года. К записке относится и приложение «лит. D», в котором приводится текст «Основного договора союза» Великой ложи Астреи, принятого 20 июля 1815 г. [8, с. 329], и сообщается о присоединении к договору «в течение 1815 и 1816 г.» ещё нескольких лож: ложи «избранного Михаила в С.-Петербурге», ложи «Александра к коронованному Пеликану», ложи «Иордана в Феодосии» [8, с. 329]. Это ещё раз свидетельствует, что характеристика правилам как документу в записке давалась в 1817 году. Этот же год составления указывает В.И. Семевский в статье «Декабристы-масоны» [3, с. 9, 10]. Этот вывод согласуется с собственным наблюдением Ю.Е. Кондакова, который относит время составления записки к 1815-1819 гг. [35, с. 470]. А вот реформа масонства совершалась на 7 лет раньше - в 1810 г. под руководством М.М. Сперанского, А.Д. Балашова и А.К. Разумовского [8, с. 284-291, 306; 13, с. 74, 75; 24, с. 388; 36, с.124; 37, с. 260-261], именно под их руководством составлялись правила. М.Я. Фон Фок не участвовал в реформе масонства, поэтому его оценка, хотя и является ретроспективной, позволяет определить хронологический разбег времени составления документа.

Важно и то, что упомянутое в правилах министерство полиции стало исполнять свои обязанности с 1811 года, об этом свидетельствует издание «Месяцеслова», в котором список должностных лиц второй экспедиции приводится на 13 января 1811 года, а медицинской экспедиции – на 24 ноября 1810 года; штата особенной канцелярии вообще не предусматривалось [38, с. 539, 541]. Ассигнования на содержание министерства полиции стали выделяться с 1811 года, о чем свидетельствует роспись о доходах и расходах за 1810 и 1811 годы [39, с. 209]. Министерство полиции начало функционировать только с 1811 г., тогда же была предоставлена роспись о доходах и расходах на 1811 год. На 1810 г. на министерство полиции деньги не выделялись.

Маловероятно, что **документ в дошедшем до нас виде** был составлен в 1810 году. Дело в том, что §2 устанавливает исключение из требований §1 для союза директориальной ложи Владимира к истине, которая придерживалась шведской системы масонства. Проект И.А. Фесслера и М.М. Сперанского как раз содержал критику шведской системы. Поэтому до высылки И.А. Фесслера и критики М.М. Сперанского в 1811 г. сложно говорить о включении авторами в текст §2 «терпимой ложи Владимира к истине». Именно в 1811 году правительство, по сведениям Т.О. Соколовской, вернуло главе масонов шведской системы И.В. Беберу «просмотренные и разрешенные» «акты масонских обрядов и установлений» и предложило даже свое покровительство [40, с. 174]. Первые упоминания об исполнении правил масонскими ложами начались также с

1811 г.

Из данных свидетельств можно заключить, что текст правил в существующем виде был составлен в 1811 году, но с 1813 года не учитывал быстрое развитие союза Великой директориальной ложи Владимира к Порядку, в котором, вместо 4, в 1813 году уже находилось 8 лож. Мы не смогли обнаружить сведений о внесении изменений в правила. В 1815 г. были приняты новые правила, которые учитывали сложившуюся в ложах ситуацию (существование двух Великих лож – Великой Провинциальной ложи и Директориальной ложи Астреи). В сборнике они обозначены как приложение к письму В.В. Мусина-Пушкина Брюса под лит. В [\[8, с. 315-319\]](#). Согласно наблюдению В.И. Семевского, изменения в «проект предполагаемого устава» были внесены в 1817-1818 годах [\[3, с. 26\]](#).

Юридическая сила документа

Вопрос об юридической силе источника является одним из малоисследованных и сложных.

Для начала определимся с общим порядком вступления в силу правовых актов в исследуемый период. На 1810-1811 годы в Российской Империи приходится период правовых и государственных реформ. Существовало несколько вариантов порядка подготовки и принятия законодательных актов. Первый вариант предусматривал наличие в делах законодательных правительственной инициативы, которая осуществляется по общему правилу министрами и в случаях «особенных» по непосредственному Величайшему повелению (§33 Указа об образовании Госсвета от 1 января 1811 г.) [\[41, с. 68\]](#). Согласно §220 Указа об общем учреждении министерств от 25 июня 1811 г., министр уполномочен «представлять» о необходимости нового закона или отмене прежнего. Как видно, министры обладали законодательным почином, порядок его применения очень широкий и отводился на министерское усмотрение (§§161, 162 Общего учреждения министерств) [\[41, с. 108\]](#). Такой порядок сохранился до 1857 г. С.А. Корф критиковал его и предлагал считать «теоретическим недоразумением» [\[42, с. 253-254\]](#). Современный исследователь И.В. Михеева соглашается с ним [\[43; 44, с. 55\]](#). По свидетельству Б.Э. Нольде, почин высших административных учреждений осуществлялся без предварительного «испрошения Высочайших повелений» [\[45\]](#).

Второй вариант предусматривал концентрацию всех полномочий законодателя (в том числе права законодательной инициативы) в руках монарха. К существованию такого порядка склоняется Г.Ф. Шершеневич [\[46\]](#). Однако, по убеждению И.В. Михеевой, этот период формального закрепления единства в законодательной сфере монарха и министров наступил только с 1857 года [\[47, с. 15\]](#).

Третий вариант предусматривал компетентностное нормотворчество министров. По утверждению И.В. Михеевой, министерства имели полномочия «по самостоятельному (без утверждения монархом) созданию правовых норм в пределах обозначенной для них сферы государственного управления» [\[47, с. 4\]](#). Министерское делегированное правотворчество при этом носило развивающий характер в виде детализации, конкретизации, дополнения существующих законодательных норм [\[47, с. 24\]](#).

Не следует забывать, что, по словам С.В. Кодана, период с 1801 по 1825 гг. в целом являлся реформенным для русского законодательства и государственного механизма, в

нем происходили поиск определения конституционных начал в государственном устройстве и модернизация политико-правовой сферы жизни страны [48, с. 7]. По утверждению И.В. Михеевой, время с 1802 по 1857 год было также периодом «практического поиска границ министерских нормотворческих полномочий» [47, с. 15].

Важно и то, что именно «личностные качества и мировоззрение носителей верховной государственной власти» определяли в этот период как принятие управленческих решений, так и законодательных актов [48, с. 8]. Отсюда вытекают многообразие и многосложность законодательных нормативных правовых актов, которые «а) не имели четкого различия по иерархии и содержанию, потому содержали в себе характеристики как собственно закона, так и подзаконного акта (уставы, положения, указы, инструкции, указы, мнения Государственного совета и доклады, удостоенные Высочайшего утверждения, правила); б) издавались с возможностью вариативного выбора формы издаваемого акта, которая, в свою очередь, могла быть простой и сложной» (манифесты, доклады, мнения Госсовета, записки и др.) [47, с. 14].

Из указанных положений следует, что **форма и порядок принятия законодательного акта в 1810-1811 годах не имели решающего значения, они могли быть любыми.** А как же дело обстояло с правилами?

Основным источником, проливающим свет на это темное пятно, является записка особенной канцелярии министерства полиции. Касательно законодательного регулирования масонства автор записки считает, что масонство, существующее в России около ста лет, «никогда, сколько известно», не было явно покровительствуемо, но «никогда также не было торжественно запрещаемо» [8, с. 292].

Этот тезис записки основан на подробнейшем изучении предмета. Например, 23 апреля 1794 года все пять лож в Риге прекратили свои собрания по «воле Августейшей Монархини» Екатерины II, «до дальнейшего повеления». В Ревеле и некоторых других местах «подобного повеления объявлено не было». В 1816 году Рижским военный генерал-губернатор маркиз Паулуччи запретил собрания масонской ложи «Трех коронованных мечей» в Митаве и пытался доказать наличие законных оснований для такового запрещения в секретной переписке с управляющим министерством полиции. Маркиз ссылался на наличие указов Екатерины II и Павла I о запрещении масонских лож, однако сами указы или их копии по запросу управляющего министерством полиции С.К. Вязмитинова маркиз Паулуччи представить не смог. «Два же рескрипта на имя барона Палена, представленные маркизом», заключали в себе «объявление Всемилостивейшего благоволения курляндским масонам», которые при присоединении Курляндии к России прекратили своя собрания и принесли в дар собственные дом и библиотеку «в пользу приказа». Эти положения рескриптов маркиз Паулуччи истолковал как основание для запрещения лож в России [8, с. 303].

Надо заметить, что маркиз Паулуччи впоследствии ссылался на высочайшее повеление Александра I, который, по его словам, одобрил его действия по запрещению собраний масонской ложи в Митаве. На этот счет управляющий министерством полиции С.К. Вязмитинов ответил, что не нашел «во все милостивейше вверенном мне Министерстве никаких сведений о помянутом постановлении, основанном, как из первого вашего по сему предмету представления явствует, на особом именном указе» [49, л. 4, 4об.] и просил переслать ему «для необходимого руководства список с оного Высочайшего указа» [49, л. 4об.]

Тем самым автор записки констатирует **неопределённость в исследовании вопроса законодательного регулирования масонства**. По смыслу записки напрашивается вывод, что российская верховная власть относилась к масонству безразлично, санкционировав тем самым самостоятельность тайных масонских организаций. Однако если, предположим, для истории белые пятна – нормальное состояние, то для историко-правовой науки такое положение является неудовлетворительным. Она неопределенности и пробелов терпеть никак не может. И требует теоретического осмысления.

На с. 306 автор записки делает неожиданный вывод: «Из сего оказывается, что отношение лож к правительству есть следующее: они терпимы, с тем однако же, чтобы министру полиции постоянно отдаваемы были отчеты о всех их действиях и чтобы на великом их мастере лежала вся по сему предмету ответственность» [\[8, с. 306\]](#).

Откуда же взялись эти выводы, если факты, ранее изложенные в записке, противоречивые и неясные?

Они могли взяться только на основании документа. И автор указывает этот документ в буквально следующем предложении: «В то же время министр полиции сообщил великому мастеру прилагаемый под литерой А опыт постановления о ложах, не в виде указа или закона, но как основание последовать имеющего на сей конец устава».

На этом можно было бы ставить точку и считать правила проектом, не получившим юридической силы. Однако, продолжая логически мысль составителя записки, получается, что масонство было терпимо правительством на основе лишь «опыта постановления о ложах»? И лишь на основе проекта Великий Мастер взял перед правительством ответственность за деятельность масонских лож и регулярно отчитывался перед министром полиции? И министр полиции посмел отдать без высочайшего повеления проект постановления о ложах великому мастеру? Может быть, министр полиции советовался с великим мастером, какие пункты изложить в правилах терпимости масонства перед их передачей на высочайшее утверждение?

Ответов в записке мы не находим, одно противоречие наслаивается на другое, **выводы записки носят предположительный характер**. Поэтому необходимо обратиться к истории составления записки, а также к другим источникам, чтобы проверить, как законодательно регулировалось масонство на самом деле.

Во-первых, вспомним, что записка особенной канцелярии министерства полиции была изготовлена лишь 1817 году, когда правила 1811 года, в связи с принятием новых правил в 1815 году, уже утратили силу. Какую оценку должен был дать составитель записки М.Я. Фон Фок правилам, которые морально и юридически устарели? Правильно, ретроспективную. И емкая фраза «Сей опыт начертан без нужных сведений и весьма недостаточен» [\[8, с. 307\]](#) указывает как раз на несоответствие правил в 1817 году изменившимся фактическим обстоятельствам. Во-вторых, понятно, почему С.К. Вязмитинов как управляющий министерством полиции обосновал свой запрос государю Александру I, со слов М.Я. Фока, отсутствием «постоянных правил». С.К. Вязмитинов, как видно, не был разработчиком правил (поскольку принял управление министерством в 1813, то есть после составления правил в 1811 году), поэтому правила вызывали у него вопросы, однако он был масоном и, очевидно, должен был иметь их под рукой [\[28, с. 208, 1070, 1084, 1092, 1093, 1110\]](#). Однако при передаче дел в 1813 году никаких бумаг по масонству (никаких указов, уставов, правил, записок и т.п.) в министерстве не

оказалось: «Сей бумаги, равно как и прочих по сему предмету, не оказалось между делами принятыми управляющим ныне министерством полиции» [8, с. 306]. Дело в том, что, согласно новому порядку управления, введенному учреждением министерств [41, с. 92-134], министр при вступлении в управление министерством обязан был: «собрать и составить самые верные сведения о настоящем положении его части о законах, уставах и учреждениях, к ней относящихся, так, чтоб все предметы, в состав ее входящие, содержимы были в точной известности» (§62). А после составления записки о состоянии дел «министерство обязано стараться о дополнении его уставов и учреждений» (§65) и необходимыми «по течению дел» постановлениями (§66). Вопросы управления министерством министр разрешал сам на основе единоначалия и лишь в случае затруднений мог обратиться к государю императору за особенным высочайшим разрешением. Подобный порядок установлен в §223 Общего учреждения министерств: «Не прежде, как с точностию удостоверясь в недостатке или неудобствах закона или учреждения прежнего, министр должен приступать к предложению нового» [41, с. 114]. §235 общего учреждения министерств установил перечень дел, при котором требуется особенное высочайшее разрешение: «к делам исполнительным, требующим особенного высочайшего разрешения, принадлежат вообще все предметы управления, предполагающие новый распорядок или дополнение правил, также ограничение, распространение или отмену мер, прежде правительством принятых и высочайше утвержденных» [41, с. 117].

Таким образом, С.К. Вязмитинов для прояснения ситуации обратился запросом к Александру I, так как имел затруднение, упомянутое в §223 общего учреждения министерств. Согласно §235, ни управляющий министерством полиции, ни министр полиции не имели возможности отменять ранее высочайше утвержденные постановления.

Поскольку сам современник – правитель особенной канцелярии министерства полиции М.Я. Фон Фок начал традицию демонстрации двух точек зрения, мы будем излагать каждую из них.

Какие фактические обстоятельства подтверждают позицию, согласно которой правила не получили юридической силы?

Во-первых, документ в секретном архиве так и называется – «проект условий существования обществ, товариществ, братств и др. организаций, в том числе разрешенной правительством масонской ложи «Владимира к истине». Из названия вполне понятен статус документа: это был проект. В.И. Семевский объясняет, что масоны с передачей «проекта предполагаемого устава» будут «под давлением опасения, что в случае каких-либо недоразумений с администрацией проект этот получит силу закона» [3, с. 19]. А.И. Серков подтверждает правомерность такой точки зрения, именуя его «проектом постановления о масонских ложах» [13, с. 87].

Во-вторых, масонская реформа, затеянная И.А. Фесслером и М.М. Сперанским, не удалась. Об этом свидетельствует А.Н. Пыпин, Е.А. Вишленкова и другие ученые [2, с. 307; 19, с. 89; 31, с. 11, 12; 36, с. 124, 126, 429; 50, с. 169, 170]. Ложа Полярная звезда не стала великой, лидеры реформы высланы в провинцию, усилилась шведская система масонства. Почему же если реформа не удалась, то должен был быть принят продукт этой реформы – проект правил, содержащий кальку с указа прусского короля 1798 г. и во многом повторяющий доклад И.А. Фесслера и Г.А. Розенкампа? Проект

дискредитированных братьев, по логике событий, должен был остаться под сукном.

В-третьих, несмотря на свою секретность, правила должны были всё равно содержать реквизиты по требованиям секретного делопроизводства – даты, гриф «секретно», подписи. Раз их нет – значит следует усомниться в существовании правил.

В-четвертых, Александр I боялся повторить участь отца Павла Петровича и поэтому был приверженцем создания тайных комитетов (высшей политической полиции) и негласных методов работы для предотвращения измены. Настоятельной нужды в гласных правилах, которые могли бы возмутить масонское сообщество, очевидно, не было.

В-пятых, если бы правила существовали, тогда М.Я. Фон Фок писал бы о них явно определенно в записке особенной канцелярии министерства полиции. Более того, управляющий министерства полиции в ситуации отсутствия правил вынужден был искать у Государя Императора высочайшего повеления относительно открытия новой ложи в Кронштадте в 1814 г., а в 1816 г. по-прежнему не имел никаких правил под рукой, запрашивая у военного генерал-губернатора маркиза Паулуччи именной указ о запрете масонской ложи в Митаве.

В-шестых, несмотря на узаконение только одного союза директориальной ложи Владимира к порядку, в Санкт-Петербурге тайно существовали и другие масонские ложи: П.И. Голенищева-Кутузова, А.Ф. Лабзина и др. В масонской реформе участвовала не вся масонская братия, а её значительная часть. И они, вероятно, не поддержали бы введение правил, ограничивающих масонскую свободу.

В-седьмых, правила буквально должны были регулировать деятельность масонских лож исключительно в Санкт-Петербурге, а не по всей империи: «Изо всех масонских лож терпима в С.-Петербурге одна ложа Владимира к истине» (§2). Следовательно, правила могли иметь ограниченный круг действия, локальное значение. Эти правила не имели бы силы ни в Москве, ни в Митаве, ни в Кронштадте, что говорило бы об акте губернского уровня и требовало бы за пределами Санкт-Петербурга дополнительной регламентации. Для сравнения: в §3 текста постановления под лит. В указано на терпимость только двух масонских лож. При этом подразумевается уже другой масштаб – общеимперский. Об этом говорит буквальное толкование фразы: «изо всех масонских лож терпимы только две главноуправляющие: 1) Великая директориальная ложа Астрея в С.-Петербурге, 2) Великая провинциальная ложа в С.-Петербурге, со всеми зависящими от них дочерьями ложами» [\[8, с. 316\]](#).

В-восьмых, никакой правоприменительной практики на основе правил обнаружить не удалось. Да и зачем нужны правила, когда существует Устав Благочиния, установивший в §§64, 65 общие критерии существования масонских обществ, товариществ и братств? Правила могли бы представлять собой пример избыточного нормотворчества.

В-девятых, правила во многом повторяют мысль немецких законодателей: установить критерии запрещенных обществ, прямо указать разрешенное правительством масонское общество, установить порядок надзора и ответственность всех и каждого, предусмотреть имущественную ответственность масонской ложи. Однако в России не развиты были соответствующие правовые механизмы и процедуры, юридическая наука и законодательство не были готовы к рецепции западноевропейских институтов. Не существовало свода законов, над которым пока ещё трудились Г.А. Розенкамф, М.М. Сперанский и многие другие. Бюрократический полицейский аппарат еще не приобрел необходимой силы и власти – просто некому было бы исполнять правила терпимости масонства. Разве могло только что созданное министерство полиции эффективно

надзирать за масонскими ложами? Не говоря уже о том, что в России начала XIX века не было разработано понятия имущественной ответственности организации. И уж тем более не могло быть масонской ложе предоставлено право выступать истцом и ответчиком в суде.

Другая позиция заключается в том, что *правила были утверждены Высочайшим повелением и переданы министром полиции великому мастеру* разрешенной правительством директориальной ложи Владимира к порядку для исполнения, которое вскоре последовало. Об этом по порядку.

Первым аргументом в пользу этой позиции является предыстория. В 1810 году по указу Александра I был создан особый комитет по реформированию масонства в Российской Империи, в который входили государственный секретарь М.М. Сперанский, министр полиции А.Д. Балашов и министр просвещения А.К. Разумовский [\[13, с. 71-86; 24, с. 389; 35, с. 454-465; 36, с. 122-133; 51, с. 149-155\]](#). В нем производилась выработка правил терпимости масонства в соответствии с проектом М.М. Сперанского, И.А. Фесслера и Г.А. Розенкампа о реформировании масонства. В следующем разделе мы увидим, что первый параграф правил практически полностью повторяет проект масонской реформы. В 1810 году М.М. Сперанским на утверждение Александра I было передано 2 указа (их содержание приблизительно передано Ф.М. Гауеншильдом): 1) закрыть все ложи в России; 2) принять план М.М. Сперанского или прекратить деятельность лож [\[52, с. 253, 254\]](#). В том, что так и произошло, у современных исследователей сомнений не возникает [\[13, с. 74\]](#).

В объявлении министром полиции Высочайшего повеления масонским ложам содержались требования о приостановлении принятия ложами новых членов, о рассмотрении масонских актов, об установлении тайных отношений начальников лож с правительством [\[24, с. 383, 384\]](#). В научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранился текст «От начальника полиции начальникам масонских обществ в СПб.1810» [\[53\]](#). Историки не сомневаются, что первый указ был подписан. Акты были отобраны на рассмотрение. С данного указа официально началась реформа масонства. А подписание второго указа было отложено. Особым комитетом были предложены меры второго указа: 1) установить за ложами тайный надзор министерства полиции; 2) «установить масонство во всей его первоначальной чистоте»; 3) основать в столице «ложу-мать», так чтобы «всякая другая ложа в империи, не учрежденная этою ложей-матерью, не должна бы быть терпима» [\[24, с. 382, 383\]](#). Если сравнить предлагаемые меры и содержание правил, то можно заключить, что меры, рекомендованные Его Императорскому Величеству, были реализованы де юре в правилах и де факто на самом деле.

Вторым аргументом является то, что название документа «проект условий существования обществ, товариществ, братств и др. организаций, в том числе разрешенной правительством масонской ложи «Владимира к истине» [\[10\]](#) было критически воспринято Н.Ф. Дубровиным, а он, безусловно, знал, что это был не проект, иначе бы опубликовал это наименование. Ещё раз: опубликованный им документ названия не имеет [\[8, с. 311-314\]](#). Г.В. Вернадский, законспектировавший и исследовавший источник, прямо назвал документ «правила для масонских лож», что предполагает наличие у документа юридической силы, однако сомневался в датировке (Г.В. Вернадским документ датирован 1815 годом со знаком вопроса) [\[22, л. 3\]](#) и авторстве правил (Г.В. Вернадский

предположил, что составителем был министр полиции) [23, л. 13]. Т.О. Соколовская также считает документ «правилами», предначертанными министром полиции масонским обществам в руководство [12, с. 344].

Третий аргумент. Александр I знал и читал масонские уставы и законы, внутреннюю масонскую переписку, распоряжения и др. И не мог не знать правила терпимости масонства, которые сам же инициировал. В записках Я.И. Де Санглена опубликован текст записки Александра I, в которой он официально разрешил масонство, но требовал представлять «труды и протоколы всякой ложи, которые доставят мне надлежащие разъяснения относительно законодательства, поддержания порядка и управления делами. В случае беспорядков мне необходимо знать[,] кого следует в них винить» [54, с. 42]. В записке, опубликованной А.Н. Пыпиным, сообщается о намерении Верховной власти принять меры «для устройства масонства» [24, с. 381]. Такое намерение предполагает наличие у императора прекрасного знакомства с предметом. Об этом, в частности, свидетельствует список документов, оставшихся в его кабинете после смерти: «К управляющим надзирателям», «Переписка Герцогов Брауншейгского и Эссен-Кассельского – К Российским братствам», «Циркуляр ко всем Директорам», «Перечень тайной инструкции Директорам» [55, л. 206], Выдержка из уголовного кодекса, похищенного у Сейма в 1818 году (о тайных обществах), Записка «О параллеле между принципами статута о единении и новой конституцией масонского ордена в Польше» [56, л. 5а-7а].

Поэтому предположить, что министерство полиции занималось правотворческой самодеятельностью, а Александр I не знал о существовании правил, невозможно. Александр I, по свидетельству В.Г. Щеглова, был поборником закона, обладал высоким уровнем правосознания [57, с. 156]. Поэтому разумно предположить, что правила были соотносимы с волей Александра I, который стремился всю жизнь, чтобы управление в государстве было по закону. В 1810 году это желание Александра I в отношении масонства было особенно сильно.

Четвертое. Правила должны были иметь гриф «секретно», так как предусматривали негласный механизм их исполнения. Свет на это проливает авторитетнейший источник – личное донесение Я.И. Де Санглена, бывшего директора особенной канцелярии министерства полиции, сделанное 5 июля 1826 г. Императору Николаю I. На его существование указывает В.И. Семеvский в статье «Декабристы-масоны» [3, с. 21]. Приведем документ полностью. «Арх[ив] Главн[ого] Штаба Секретн[ая] Опись 1826 года д[ело].№ 343. Всепод[аннейшее] Донесение Десанглена 5 Июля 1826 года Всемилостивейший Государь. Высочайшим ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛЧЕСТ| рескриптом к управляющему Министерством Внутренних Дел повелено: по долгу присяги и совести объявить не только все то что известно о ложах, но и самое принятие в оные. ВЫСОЧАЙШЕЕ сие повеление требует чистосердечия, откровенности; молчать о предметах[,] даже сокровеннейших[,] казалось мне преступлением.

Я вступил в С-Петербурге в ложу Peter zir Wahrheir без предварительных испытаний и обрядов, быв директором особенной канцелярии Министра полиции, дабы наблюдать, чтобы ложи доставлены были через меня начальству; члены[,] найденные в противном расположении духа[,] по повелению Государя ИМПЕРАТОРА высланы в отдаленные губернии. Сие продолжалось по 1812 год[,] в который Государь Император с тайной инструкцией ВЫСОЧАЙШЕ соизволил отправить меня в армию. С сего года прерваны все сношения мои с ложами.

Объявить все вышеозначенное через местные начальства казалось мне неприличным, утаить – преступным.

В сем затруднительном положении, дав требуемое обязательство местному начальству, осмеливаюсь повергнуть к стопам ВАШИМ истинную причину понудившую меня вступить в ложу. Убежденным остаюсь, что обнаружив сие ныне с чистосердечием и откровенностью лишь перед священным лицом В.И.В. не нарушаю и моей верности[,] коею обязан и памяти в Бозе почивающего ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, благодетеля моего коего воля была сокрыть настоящую цель моего вступления в ложу, не только от всех, но даже от бывшего моего начальника Министра полиции.

С глубочайшим благоговением повергает себя и многочисленное свое семейство к стопам Вашим[,] Всемиловитивейший государь[,] ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верноподданный Яков Иванов Де-Санглен[,] числящийся при герольдии не у дел[,] Военный Советник и кавалер с жалованьем по 4000 рублей ежегодно. Клинского уезда Сельцо Короваево Июля 5 дня 1826 года» [\[58, л. 1\]](#).

Первое, что бросается в глаза, это то, что Я.И. Де Санглен лично отчитывался перед Александром I обо всем, что происходит в ложах. Более того, он выполнял его задание по наблюдению за ложами, а также по поиску и высылке членов лож, найденных «в противном расположении духа». Второе, немаловажное замечание – это период, в течение которого Я.И. Де Санглен выполнял данное ему Высшей властью поручение: с 1810 г. [\[28, с. 1084\]](#) по 1812 год, «в который Государь Император с тайной инструкцией ВЫСОЧАЙШЕ соизволил отправить меня в армию». Третье замечание, объясняющее многое: донесение является секретным, задание, выполняемое Я.И. Де Сангленом, было тайным даже для бывшего его начальника – «Министра полиции». В донесении, экземпляр которого содержится в фонде ГА РФ, слова «ложах», «ложу», «ложи», «ложками», «лож» были изначально удалены, а затем вписаны карандашом и ручкой с черной пастой.

Пятый аргумент. Подтверждением того, что Александр I утвердил правила, служит секретная записка Е.А. Кушелева, которая сохранилась в кабинете Александра I после его смерти [\[29; 59\]](#). В ней Е.А. Кушелев критикует уничтожение в 1815 году Великим Мастером Директориальной ложи Владимира к порядку. По логике Е.А. Кушелева, Великий Мастер Великой ложи Владимира к порядку «никакого права не имел» уничтожать единственную разрешенную в Санкт-Петербурге ложу и тем более создавать новую Великую ложу, не получив высочайшего соизволения от Е.И.В. Действительно, правила предусматривают, что «из всех Массонских Лож терпима в С.Петербурге одна Ложа Владимира к истине» (§2). и имена «ослушников» доводятся до сведения Государя Императора, который сам принимает решение о наказании виновных (§4). То есть Е.А. Кушелев ссылался на обязательность механизма, содержащегося в правилах терпимости 1811 г.

Шестой аргумент. Правила стали исполняться масонскими ложами и, следовательно, перед этим должны были получить юридическую силу. О, так сказать, профилактирующем действии «проекта предполагаемого устава» на поведение масонских лидеров сообщает В.И. Семевский. По его мнению, в 1817-1818 гг. проект был «несколько переделан» [\[3, с. 19, 26\]](#). О передаче правил масонским ложам для руководства деятельностью сообщила Т.О. Соколовская, опубликовав Секретное отношение министра внутренних дел к начальнику главного штаба от 9 января 1826 г. за №13 [\[12, с. 344\]](#). На обязательность «проекта постановления» для исполнения масонскими ложами полиции указывает А.И.

Серков. Им же отмечено нарушение требований «проекта» некоторыми масонскими ложами [\[13, с. 87, 88\]](#). Понятно, что исполнять и нарушать можно только те правила, которые стали юридически обязательными.

О придании обязательной силы положениям правил свидетельствует текст «Акта Взаимных отношений двух Великих Лож на Востоке Санктпетербурга» от 12 декабря 1817 г., сохранившегося в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки [\[60, лл. 215-223об.\]](#). Данный источник является весьма авторитетным и убедительным, как по части представительной (под ним стоят именные подписи большинства лидеров русских масонов; два экземпляра русского текста переведены на немецкий и французский языки), так и по части содержательной (все положения конкретны и недвусмысленны). Во-первых, две Великие ложи, созданные с дозволения правительства, договорились считать, что до их образования «исключительным правом учреждать в России Ложи, и управлять оными» пользовалась лишь Великая Директориальная Ложа Владимира к порядку (статья 1). Во-вторых, две Великие ложи договорились «не признавать в России никакой такой Ложи законною, которая Правительством признана не будет, и работам своего Союза не допускать членов с патентами ею данными» (пункт 1 статьи 1) [\[60, л.216\]](#). То есть масонами признана юридическая обязательность правил. В-третьих, масонскими лидерами прямо определена незаконность лож, открытых в нарушение предусмотренного в правилах порядка: «не признавать в России никакой такой Ложи законною, которая со времени существования бывшей Великой Директориальной Ложи Владимира к порядку, т.е. после 1809 года, учредилась без ее или двух ныне существующих Великих Лож соизволения, и членов с патентами таковой незаконной Ложи к работам своего Союза не допускать» (пункт 2 статьи 1) [\[60, л.216 об.\]](#). В-четвертых, данные положения были обязательны для масонского братства: «статьи, по обоюдному согласию заключенные, соблюдать свято и ненарушимо» (заключение) [\[60, л.222\]](#).

Помимо соблюдения вольными каменщиками правил об учреждении новых лож, ими выполнялись правила отчетности о деятельности лож. Основной период отчетности падает на 1816-1822 гг. Подтверждением тому служат выписки из протоколов союза Великой провинциальной ложи, составленные для правительства с марта 1817 по декабрь 1820 г. на 277 листах [\[61\]](#), а также «переписка официальная масонов с властями, в т.ч. о закрытии лож в 1822 г. и в 1826 г. с 1816 по 1826 гг.» на 184 листах [\[62\]](#).

Доказательством исполнения правил является письмо В.В. Мусина-Пушкина Брюса к С.К. Вязмитинову января 1819 года, в котором говорится, что до 1815-го года «масонство пользовалось совершенною терпимостью со стороны правительства, которое позволяло оному свободно заниматься своими делами, в коих отвечал пред ним великий мастер великой ложи в С.-Петербурге, представляющий ему регулярный донесения обо всем происходящем в ложах и подписавший обязательства свои при самом вступлении в должность. **Правительство, со своей стороны, терпело, или, лучше сказать, покровительствовало ложе**, зависящей от великой ложи в С.-Петербурге, и министр полиции в сем отношении давал надлежащие повеления местным начальствам» (выделено мной – А.В.) [\[8, с. 282\]](#). Данные строки написаны современником, хорошо осведомленным о взаимоотношениях правительства и масонских лож. Устройство лож в соответствие с требованиями правил говорит о действительности самих правил. Аналогичную оценку событий дает Е.А. Кушелев в письме к Александру I: он напоминает императору, что «В.В-ву благоугодно было повелеть, чтобы все ложи работали под

управлением великой Директориальной ложи «князя Владимира к Порядку», по древним, в Россию вошедшим актам, по которым вышеозначенные ложи тогда работали; и чтобы все ложи в России не иначе существовали и заводимы были, как под единственным распоряжением сей великой ложи и управляющего оной Великого Мастера Бебера, на которого и ответственность возлагается по всем частям, относящимся к сему предмету, с тем, чтобы он о всем доносил министру полиции» [29, с. 468]. Данное повеление Е.А. Кушелев считал «непоколебимым и непреложным уставом для всех лож, существующих в обширной империи» [29, с. 469]. Надо отдать должное, Е.А. Кушелев считал правила, утвержденные по «точной монаршей воле», истинно масонскими [29, с. 472, 473].

Седьмой аргумент. Правила сохранились в нескольких фондах и только там, где они как секретные документы должны были находиться. Согласно §135 Манифеста об образовании государственного совета, подлинники постановлений хранятся в государственной канцелярии. Секретное делопроизводство велось в особенной канцелярии министерства полиции, затем – в особенной канцелярии министерства внутренних дел.

Экземпляр правил находится в секретном архиве III отделения Его Императорского величества канцелярии [10]. В 1826 году на основании Указа об учреждении III отделения Собственной Е.И.В. канцелярии от 3 июля 1826 г. в него поступили дела и документы, принадлежащие особенной канцелярии министерства внутренних дел [63, с. 665, 666]. После уничтожения министерства полиции в 1819 году все дела его особенной канцелярии перешли в особенную канцелярию министерства внутренних дел.

В военно-ученом архиве Генерального штаба также находится экземпляр правил. На это указывает конспект Г.В. Вернадского [22, л. 3]. 29 марта 1867 года из состава архива был выделен Военно-топографический склад для хранения картографических материалов, необходимых для работы Военно-топографического отдела Главного штаба. Архив, сосредоточивший документы исторического характера, получил наименование Военно-учёного и был подчинён Военно-учёному комитету Главного штаба (Приказ военного министра № 103 от 30 марта 1867 г.) [64, с. 84, 85]. С экземпляра правил Г.В. Вернадский делал конспект [23, лл. 13, 13об.]. Причем Г.В. Вернадским в другом месте текст правил озаглавлен «Записка об обществах» (подчеркивание Г.В. Вернадского), текст правил Г.В. Вернадский переписал дословно [11, лл. 54, 55]. Текст записки полностью совпадает с документом, опубликованным Н.Ф. Дубровиным.

Восьмой аргумент. Процессы, происходившие в России, были аналогичны ранее протекавшим в Прусском королевстве. Если обратиться к аналогичной практике Прусского королевства, то прусские великие ложи приводили свои уставы в соответствие с указом прусского короля от 20 октября 1798 г. [65, с.143-145, 437, 438], и русское масонство пошло по тому же пути. После принятия правил в 1811 году, русские масоны начинают формировать новые уставы, повторяющие пункты правил (уложение Великой ложи Астреи 1815 г. и др.).

Девятым аргументом является то, что составление и утверждение правил относилось к тайного рода делам. Дела тайные и чрезвычайные не входят в полномочия министерского совета и Сената, а входят Его Императорскому Величеству. И журналов министерского совета и Сената, по всей видимости, бесполезно искать, так как надзор за масонскими ложами составлял тайное дело [16, с. 76]. Тайные дела находились в

ведении Особенной канцелярии министерства полиции, которая, как считает Ф. Севастьянов, представляла собой «общеимперский орган высшей полиции, действовавший на принципе министерского единоначалия» [66, с. 246]. В компетенцию особенной канцелярии как раз входило ведение секретного делопроизводства и надзор за деятельностью масонских лож [67, с. 21]. Порядок принятия правил предусматривал наличие «особенного высочайшего разрешения», как записано в §235 Общего учреждения министерств [17, с. 117]. Об этом свидетельствует §237 Общего учреждения министерств: «дела, тайне подлежащие и чрезвычайные, хотя и принадлежат к общему составу управления, но образ доклада и порядок решения и устанавливается на особенных правилах и составляет предмет особенного учреждения.» [17, с. 117].

Секретность правил вызвана необходимостью сохранить в масонском сообществе спокойствие, чтобы не вызвать открытого противодействия действиям правительства. Сохранение правил «в тайне» укладывалось в тенденцию сохранять в секрете регламенты и деятельность учрежденных ранее подобных комитетов: Комитета высшей полиции 1805 г. [68, с. 574-576], Комитета общей безопасности 1807 г. [69, с. 576, 577]. Именно «подведомственности» данных комитетов, наряду с позднее созданной особенной канцелярией министерства полиции, относились дела о тайных обществах [70, с. 366, 367].

Вводиться в действие секретные правила могли на основании устного высочайшего повеления [16, с. 120; 57, с. 495]. «Словесным Высочайшим повелением», вероятнее всего, и были утверждены правила терпимости масонских лож.

Таким образом, форма и порядок принятия законодательного акта в 1810-1811 годах могли быть любыми.

Записка особенной канцелярии министерства полиции, составленная М.Я. Фон Фоком, в 1817 г. констатирует отсутствие бумаг по данному предмету при передаче дел управляющему министерством С.К. Вязмитинову, содержит неопределённость в исследовании вопроса законодательного регулирования масонства: на основании проекта постановления масонские ложи стали терпимыми, они обязаны были сдавать в министерство полиции отчеты о своей деятельности. Данное противоречие не было разрешено историками масонства В.И. Семевским, А.И. Серковым: оба полагали, что масонские ложи стали терпимыми на основании проекта постановления о ложах. Объяснить данное недоразумение можно. Нами отмечается возможность умышленного искажения фактов разными методами и в разной форме, особенно после дела о декабристах.

Независимо от того, какая из представленных точек зрения является более обоснованной, необходимо отметить, что **нормы**, содержащиеся в словесных Высочайших повелениях Александра I, в том числе передаваемых от министра полиции А.Д. Балашова, управляющего министерством полиции С.К. Вязмитинова, и сформулированные в тексте правил терпимости масонства, **начали действовать**. Согласно свидетельствам, первые отчеты и выписки из протоколов стали поступать в министерство полиции начиная с 1811 г. Заработал предусмотренный правилами механизм. Можно, конечно, предположить, что правила (как проект, не имеющий юридической силы Высочайшего повеления) исполнялись масонскими ложами по доброй воле, так сказать явочным порядком. Но это говорит о существовании тех же самых норм (пусть и в виде правовых обыкновений), которые соблюдались: ложи предоставляли

отчеты, а министр полиции их принимал.

Даже будучи проектом, правила конкретизировали параграфы Устава Благочиния, который не переставал действовать. Соответственно, проект правил, конкретизировавший требования Устава Благочиния и переданный масонским ломам для ознакомления и руководства, становился обязательным. Тем самым с 1811 года нормы Устава Благочиния получили юридическую конкретизацию в правилах, которые, в свою очередь, как акт подзаконного уровня получили признаки юридически обязательных.

Анализ и оценка правил 1811 г.

Российская Империя в начале XIX века решала множество задач, среди которых обнаруживается стремление урегулировать все возникающие социальные отношения, поставить их под государственный надзор и контроль, а социально негативные явления – запретить. Масонство как организация не могло не вызывать у русского монарха справедливых подозрений ввиду своей закрытости. И перед Александром I (а равно и перед представителями родового дворянства) был выбор: либо запретить масонство, либо поставить под надлежащий надзор. В 1810 г. выбор был сделан в пользу последнего.

Начать масонскую реформу было поручено молодому масону, талантливому организатору, сделавшему блестящую карьеру – Михаилу Михайловичу Сперанскому. М.М. Сперанским был приглашен из-за границы доктор богословия, историк масонства, юрисконсульт Игнац Аврелий Фесслер. И.А. Фесслер обладал необходимой масонской и научной квалификацией. У него уже имелся солидный опыт в деле законодательного регулирования масонства в Пруссии. К проекту реформы был также привлечен барон Густав Андреевич Розенкамф – известный ученый-законовед. И.А. Фесслер и Г.А. Розенкамф составили доклад об истории масонства и о его современном состоянии в Санкт-Петербурге. Вместе с сопроводительной запиской и проектами указов М.М. Сперанский в 1810 году зачитал доклад Государю Императору. Цель правил – установить критерии разрешенных и запрещенных законом масонских лож. По сути, правила конкретизировали и дополняли положения §§64 и 65 Устава Благочиния, на что указывает преамбула правил.

§1 правил содержит критерии законом запрещенных обществ: Согласно правилам, запрещаются те «общества и собратства»: 1) чьи занятия состоят в «намерении рассуждать о предполагаемых в государственном правлении переменах, или о средствах, каким образом сии перемены могут приведены быть в действо, или уже о мерах, на сей конец предприемлемых»; 2) в которых выражают послушание «безызвестным начальникам» путем клятвы, поднятием руки, устно или письменно, или иным образом; 3) в которых «известным начальникам» обещают «неограниченное послушание», что может вступить в противоречие с нравственностью и с государством налагаемыми обязанностями. Данные общества терпимы быть не могут ни при каких условиях.

Запрещаются также следующие общества: 1) которые требуют «обета молчаливости в рассуждении тайн, сочленам открываемых»; 2) которые имеют «скрытое намерение», или «употребляют скрытые средства», или применяют «сокровенные, таинственные, гиероглифические формы» (под «гиероглифическими формами» следует понимать криптографические формы, используемые масонами, для шифрования сообщений, адресованных братьям). §2 и §3 предписывают, что «из всех Масонских Лож терпима в С.Петербурге одна Ложа Владимира к истине. За исключением се наименованной, все

прочие Массонские Ложы признать запрещенными и их ни под каким предлогом не терпеть».

Доклад И.А. Фесслера и Г.А. Розенкампа имеет значительное сходство. Согласно докладу, истинное масонство состоит в том, чтобы «...совершенно повиноваться верховной власти Государя, составлять общества с согласия и с воли Правительства и не вводить ни каких иных церемоний /:обрядов:/ кроме тех, которые ему будут известны» (п. 2) [\[71, л. 108об.\]](#); масонство «... же не склоняется к видам политическим и честолюбивым. Оно не питает гордости Самолюбия, а напротив клонится его искоренять и усовершенствовать человека, делая его благочестивым; следовательно более правосудным, больше преданным Власти Государя и его законам. Оно не имеет ничего общего с сею детскою игрою рыцарства, и не признает начальства неизвестного и правительством не признанного» [\[71, л. 116об.\]](#). «Трудно поверить, чтобы здравомыслящие люди могли вздумать о восстановлении ордена Тамплиеров, сия Гиероглифическая игра не есть ли символом чего нибудь иного, и поздно или рано таковым зделается; так как и воспользовались оною для размножения Католиков; удержания дома Стуртов; для поддержания революции 1772 года в Швеции; Якобинства во Франции; и тайным Иллюминатов в Германии; следовательно ни что не мешает употребив оную и еще к подобному; стоит только найтись человеку с головою и с богатством, то что казалось символическим то будет гибельно для спокойствия правительства» (подчеркнуто автором) [\[71, лл. 116, 116об.\]](#); «...наконец, они предлагают, чтобы испросить на шет сего соизволение от Его Императорского Величества.. 36е (36е Странная мысль монополии и желаня взять все на откуп), как и на запрещение по всей России следовать иной системе или учреждать иные ложы главною ложею не установленные» (в скобках примечание, сделанное рецензентом на доклад) [\[71, л. 121, 121об.\]](#).

Следовательно, §1-3 правил отражают основные положения доклада.

Однако упоминание в §2 правил разрешенной ложи Владимира к истине, работавшей по шведской системе, противоречит докладу: в докладе утверждалось, что французская и шведская системы «суть выродки истинного Масонства» [\[71, л. 108\]](#), что «..статуты системы Шведской должны необходимо быть противны законам и Статутам древнего Масонства» [\[71, л. 115об, 116\]](#). Нам неизвестна причина этого расхождения. Оно могло взяться под влиянием писем И.А. Бебера к императору и ответных писем, высочайше разрешающих шведскую систему масонства. Возможно, определенную роль сыграло членство в ложах шведской системы ключевых фигур – автора доклада И.А. Фесслера и будущего правителя особенной канцелярии М.Я. Фон Фока, который был великим наместным мастером русского отделения ложи Петра к истине (к правде) до 1815 г. [\[28, с. 1085\]](#). Вызывает смущение и название разрешенной правительством ложи: «Владимира к истине». По утверждению А.И. Серкова, такой ложи не существовало, а имелась в виду ложа «Владимира к порядку» [\[13, с. 87\]](#). Но по какой причине возникла «описка», исследователь не сообщает. Возможно, текст был изменен впоследствии намеренно. В §9 правил допущена ещё одна описка – при определении обязанностей членов ложи, которая указана в §2, ошибочно указан §3. Данное обстоятельство говорит о небрежном составлении документа. Для сравнения: в приложениях лит. В и лит. С наименования разрешенных правительством лож содержатся именно в §3.

В.И. Семецкий проанализировал правила и дважды заметил, что они являются заимствованием из указа прусского короля 1798 г. [\[3, с. 19, 20\]](#). Того же мнения А.И. Серков [\[13, с. 87\]](#). И действительно, многие параграфы чуть ли не дословно взяты из

указа прусского короля Фридриха-Вильгельма III от 20 октября 1798 г.

Данный указ изложен на французском языке в приложении «лит. С» к записке особенной канцелярии министерства полиции [8, с. 314]. Доподлинно неизвестно, как текст указа прусского короля попал в особенную канцелярию министерства полиции. Но технико-юридические конструкции взяты из него. Вероятно, их предложил разработчик концепции – И.А. Фесслер, который сыграл выдающуюся роль в постановке масонства в Пруссии под государственный надзор [65, s. 760-762]. Однако нельзя исключать, что и министр полиции А.Д. Балашов, и сам Государь Император Александр I как верховный законодатель собирали сведения о разрешении масонского вопроса в других странах. Так, в кабинете Александра I после его смерти были обнаружены выписки из уголовного кодекса польского сейма, касающиеся масонской деятельности [56]. Также в кабинете Александра I найдена написанная на французском языке Записка «О параллеле между принципами статута о единении и новой конституцией масонского ордена в Польше», свидетельствующая о сравнительной характеристике закона и уставов масонских лож [56, л. 7а]. В упомянутом указе прописывался механизм открытия новых лож, ответственность великого мастера перед министром полиции, двойная ответственность виновных лиц: при нарушении правил – имя доводится до монарха; при нарушении правил и закона – ответственность предусматривается охранительной нормой соответствующего законодательного акта.

Согласно указу прусского короля, «собрания, занятия которых не соответствовали общественному благу или могли нанести ущерб положению и безопасности государства, не допускаются». Разрешались собрания трех великих лож в Берлине: а) Материнской ложи «Трех глобусов»; б) Национальной Великой ложи Германии; в) Великой ложи «Роял Йорк к дружбе», а также собрания основанных ими лож. Запрещенными собраниями, в свою очередь, считались те, в которых: 1) члены затрагивали в обсуждении политические вопросы; 2) существует подчинение «неизвестным начальникам»; 3) существует контроль в виде «неограниченного послушания»; 4) существует «обет молчания»; 5) преследуются скрытые цели или используется иероглифический язык. Над разрешенными ложами устанавливался строгий надзор со стороны государства: предоставление копий масонских уставов и законов, предоставление ежемесячных и ежегодных отчетов, открытие новых лож дозволялось с разрешения государства.

Как видно, в обоих правовых актах установлены те же самые критерии терпимости масонства и то же самое исключение из общего правила (подчинение масонской ложи великой ложе, утвержденной правительством). Примечательна формула, используемая законодателем – занятие политикой, поддержка неизвестных начальников, безусловное подчинение известным начальникам не допускаются в любом случае, а «обет молчания», занятие алхимией, теософией, мистикой, использование шифрованных текстов в переписке и актах – всё это допускается, если масонская ложа пользуется покровительством государя.

За несоблюдение правил предусматривалась санкция: имя подданного, ослушавшегося запрета (создание или участие нетерпимых обществ), доводилось до «сведения Его Императорского Величества» [8, с. 312, 313] и предусматривалось наказание, предусмотренное для ослушников (статья 235 Устава Благочиния).

Согласно правилам, ответственность возлагалась не только на учредителей и участников общества, но и на тех, кто предоставляет дом для собраний или выполняет поручения

общества, «которых недозволенность ему известна». Устанавливалась ответственность за доноительство, в случае если «о сем имели основательное подозрение и не предуведомили о том правительству». От ответственности освобождался тот, кто сообщил «министру полиции» не известные ранее сведения или способствовал в «отыскании соучастников». Кто имел о запрещенном обществе «верное известие», тот обязан о том «объявить министру полиции» под «опасением двух-годичного заточения». Обязанность доносить также возлагалась на членов терпимых обществ [\[8, с. 312, 313\]](#), а от начальников «4 соединенных лож Владимира к истине» требовалось ежегодно подавать министру полиции сведения о месте пребывания, а также списки зависимых лож и их членов «с показанием имен, званий и лет». Санкция за неисполнение этой обязанности заключалась в уплате «пени 200 р.» или лишении «покровительства» государства. Устанавливались санкции за прием в члены «людей моложе 25 лет»: за первое такое нарушение предусмотрена обязанность исключить такого члена из ложи и уплатить пени, равные 100 рублям; за второе такое нарушение – лишение покровительства государства. За нарушение запретов и неисполнение обязанностей её членами, ложа должна их «исключить из сословия своего», а имена сообщить министру полиции. В случае нарушения обязанностей и запретов самой ложей, данная ей конституция уничтожалась, о чем докладывалось министру полиции. Ответственность за выполнение всех предписаний возлагалась на «великого мастера соединенных лож» [\[8, с.314\]](#).

За несоблюдение прусского указа предусматривались более суровые меры ответственности: 10 лет тюремного заключения для руководителей или 6 лет тюремного заключения для обычных членов ложи; за преступления в виде государственной измены или попытки государственного переворота для «основателей», «членов», «секретарей» и «пособников» предусматривается смертная казнь или пожизненное заключение (статья V); тот, кто предоставляет дом для собраний или принимает поручения от запрещенной ложи, тот подлежит тюремному заключению на срок 4 года; к чиновникам государства, нарушившим указ, применяется дополнительное наказание в виде конфискации имущества (статья VI) [\[8, с. 320-324\]](#).

Как видно, **правила были более гуманными** и не предусматривали суровых уголовно-правовых мер в отношении начальников масонов и рядовых членов лож, и их пособников, подобных прусским. Они ограничивались сбором информации об «ослушниках», решения по которым принимал Государь Император.

Другое важное отличие. Указ прусского короля подлежал официальному опубликованию, в нем говорилось: «чтобы все наши подданные и иностранцы, находящиеся в нашем государстве, точно соблюдали его, и чтобы все наши коллегии, суды, магистраты и чиновники контролировали его исполнение и поддерживали его силу и неизменность» [\[8, с. 324\]](#). Материнские ложи получили пятьдесят экземпляров указа с тем, чтобы довести содержание указа до всех заинтересованных лиц. Управление полиции Берлина получило десять экземпляров указа и поручило подчиненным опубликовать указ в газетах и тщательно его исполнять [\[65, s. 143\]](#).

В отличие от указа прусского короля, опубликованного всенародно, как следует из его текста, в Российской Империи **правила 1811 г. были засекречены, доступ к ним имел узкий круг лиц**: министр полиции, управляющий министерством полиции, правитель особенной канцелярии министерства полиции, Великий мастер директориальной (Великой) ложи Владимира к порядку, а также Государь Император Александр I. Предполагалось, что в той или иной части правила 1811 г. становились известны великим мастерам и представителям лож в директориальной (Великой) ложе, а также

начальникам подразделений полиции и военным генерал-губернаторам на местах. А если учесть, что для допуска к масонским документам требовалось соблюдать правило о масонской тайне, которая государством была разрешена, то правила, скорее всего, были известны только тем государственным служащим, которые одновременно имели доступ к секретным документам и сами были масонами: (министр полиции (1810-1812 гг.) А.Д. Балашов; правитель особенной канцелярии министерства полиции (1811-1819 гг.) Я.И. Де Санглен; обер-полицмейстер Санкт-Петербурга (1811-1821 гг.) И.С. Горголи; управляющий министерством полиции (1813-1819) С.К. Вязмитинов; правитель Особенной канцелярии министерства полиции М.Я. Фон Фок (1813-1818)^[19, с.208, 1062, 1067, 1070, 1084, 1085, 1092, 1093, 1110]. Секретность правил вполне укладывается в методы законодательного и административного регулирования Александра I в начале XIX века: негласные комитеты и комиссии, секретные доклады и донесения, негласные меры административно-полицейского воздействия. Гласное осуществление реформ в государстве, в том числе в масонской среде, вызвало бы бурные протесты и сопротивление, в первую очередь среди родового дворянства, к мнению которого Александр I прислушивался.

Правила сыграли важную роль в истории русского масонства. О регулирующем и правовом действии правил в 1821 г. сделал замечание Е.А. Кушелев: «Вследствие сего высочайшего повеления, отдельные две ложи, как не имеющие уже никакого права работать по особенным их актам, присоединились к союзу великой Директориальной ложи Владимира к Порядку..» (в виду имелись ложи Соединенных друзей и Палестины)^[29, с. 468, 469].

Недостатком правил явилось следующее. В них прямо не предусмотрен порядок открытия новых лож, что говорит **о неполноте правил**.

Порядок открытия новых лож был установлен ещё в статье 250 Устава Благочиния 1782 г.: «Буде кто учнет заводить или зачнет общество, товарищество, братство или иное подобное собрание, без ведома или согласия Управы Благочиния, да отдастся, яко ослушник, под стражу, и отошлется в суд, где поступать, как взысканий статья 235 гласит». Статья 235 устанавливала ответственность согласно формуле «и да накажется по мере вины или преступления им учиненного, как в законе написано»^[72, с. 61]. То есть открывать новые ложи можно было с ведома и согласия управы благочиния.

В 1811-1816 гг. новые ложи открывались с разрешения Великого мастера разрешенной правительством Директориальной ложи Владимира к порядку, а также с разрешения министра полиции, который, в случае затруднений запрашивал повеления у Государя Императора^[29, с. 469].

Под действием правил масонским сообществом стали разрабатываться новые уставы и положения. В 1815 г. была принята конституция – «основной договор союза» Великой ложи Астреи в Санкт-Петербурге (приложение лит. D)^[8, с. 324-329; 29, с. 471-474]. Конституция состояла из 16 параграфов, подписанных 30 июля 1815 г. весьма представительной масонской делегацией, в которую вносились дополнения (к 20 января 1816 г. «уложение» состояло из 561 параграфа). В 1817, 1818 гг. принимались неоднократные дополнения. Конституция 1815 г. провозглашала «не иметь никаких от верховного правительства таинств» (§2), обязала ложи предьявлять «узаконения свои верховному правительству» (§3), говорила о независимости лож «от так называемых неизвестных верховных начальников или иностранных Великих Востоков и лож» (§4) и развивала другие положения правил 1811 г. Из новелл конституции следует отменить

введение терпимости разрешенных правительством «всех систем истинного масонства», лишение носителей высших степеней «права заседать и подавать голоса в Великой ложе» (§8), а также учреждение самой Великой ложи Астреи как «постоянного общественного учреждения» (§13).

В секретном донесении Александру I 11 июня 1821 г. Е.А. Кушелев подверг критике положения конституции Великой ложи Астреи, полагая, что масоны не имели права «сочинять на место древних масонских правил, кои правительством уже утверждены, новые, под названием «конституции», - для отечества нашего несовместной и вовсе чуждой» [29, с. 473]. Взамен Е.А. Кушелев предложил свои 16 правил, которыми масонство «должно непременно руководствоваться» [29, с. 641]. Е.А. Кушелев, просил, чтобы проект предложенных им правил был утвержден Александром I, «дабы правила были уставом» и «да освящаются они конфирмациею» и «будут дарованы» [29, с. 649].

Выводы

Итак, опубликованный Ф.Н. Дубровиным документ сохранился в секретном архиве III отделения Его Императорского Величества канцелярии, а также в военно-ученом архиве Главного штаба. С документом знакомилась Т.О. Соколовская, В.И. Семевский, Г.В. Вернадский, А.И. Серков и составили о нем мнение.

Документ в дошедшем до нас виде названия не имеет, принадлежит к разряду постановлений, в официальной секретной переписке 1826 г. он назван правилами. Т.О. Соколовская, В.И. Семевский, Г.В. Вернадский также называли документ правилами (хотя и встречались другие названия: проект условий, записка об обществах и др.).

Правила были окончательно составлены в 1811 году (после официального признания актов шведской системы), ими стали руководствоваться министр полиции и начальники масонских лож.

Вопрос о юридической силе правил является дискуссионным, поскольку не имеется прямых доказательств Высочайшего утверждения правил.

Доводами в пользу версии «проекта» правил являются: 1) традиционный взгляд историков; 2) в связи с неудачей масонской реформы проект правил должен был остаться в столе; 3) правила не содержат никаких реквизитов; 4) Александру I не было необходимости вводить правила; 5) министерство полиции в последующем запрашивало указы о разрешении или запрете масонских лож; 6) в Санкт-Петербурге тайно существовали и другие масонские ложи, не поименованные в правилах; 7) правила могли распространять действие исключительно на Санкт-Петербург; 8) при наличии действовавшего Устава Благодичиния правила представляли бы собой пример избыточного нормотворчества; 9) правовые механизмы и процедуры Российской Империи были не достаточно приспособлены для применения правил.

Аргументами в пользу версии принятия правил являются: 1) совпадение задач масонской реформы, содержания правил и реализованных мер; 2) Г.В. Вернадский предполагал, что правила для масонских лож были приняты министром полиции; 3) Александр I инициировал принятие правил, знал и читал их; 4) правила должны были иметь секретный характер, что подтверждает секретное донесение Я.И. Де Санглена; 5) Е.А. Кушелев в секретных письмах Александру I ссылался на обязательность надзорного механизма, содержащегося в правилах; 6) правила стали исполняться масонскими ложами, о чем свидетельствуют современники, историки и сохранившиеся документы; 7)

текст правил сохранился исключительно в секретных архивах, что свидетельствует о секретности правил; 8) процесс законодательного регулирования масонства в России является закономерным, так как ранее аналогичный процесс начался в Пруссии; 9) надзор за масонскими ложами составлял тайное дело с ведением секретного делопроизводства, а правила могли быть утверждены словесным Высочайшим повелением.

Вместе с тем, учитывая исполнение правил масонскими ложами, а также учитывая конкретизацию в правилах действовавших норм Устава Благодичиния, можно считать, что на основании словесных Высочайших повелений сформулированные в правилах терпимости масонства нормы **начали действовать**. Не случайно 1810-1811 годы называются А.Н. Пыпиным периодом «официального утверждения» петербургских лож [\[24, с. 395\]](#).

Правила были составлены на основе доклада И.А. Фесслера и Г.А. Розенкампа и указа прусского короля 1798 г. Сведения, содержащиеся в правилах, неполные (не предусмотрен механизм открытия новых лож), имеются опечатки печатного варианта (опубликованного Н.Ф. Дубровиным) и тождественные описки в рукописном варианте (содержащемся в секретном архиве III отделения Е.И.В. канцелярии).

Не смотря на недостатки документа, представляется возможным заключить, что цель правил была достигнута. Введение правил не только формально поставило масонские ложи под государственный надзор, который осуществляло министерство полиции. **Правила существенно повлияли на открытие и деятельность большинства масонских лож, которые уже считали за норму получение разрешения от правительства** (в конце XVIII века большинство лож, наоборот, проигнорировали указ Екатерины II о прекращении собраний). Более того, масонские ложи стали более походить на другие общественные учреждения, они лишались многих атрибутов прежних масонских организаций: из их деятельности исключались любые политические вопросы, мистика, алхимия, шифрованная переписка, наличие неизвестного начальства и др. Россия не стояла в стороне от общеевропейских процессов, поэтому **введение правил послужило образцом русского варианта модернизации законодательного регулирования масонства**. Законодательное регулирование данной сферы жизнедеятельности укладывается в отмеченные С.В. Коданом циклы российской модернизации: принятие правил в 1811 г. соответствует циклу реформ (1801-1811), тогда как запрет масонских лож в 1822 г. вполне соответствует циклу перехода к контрреформам (1811-1825) [\[73\]](#).

В силу действия норм, сформулированных в правилах, масонские ложи с 1811 г. были терпимы правительством, с его ведома и согласия отдельные ложи открывались, другие - закрывались, в министерство полиции отсылались регулярные отчеты, сведения о членах, выписки из протоколов собраний лож [\[12, с. 344; 40, с. 16; 74; 75; 76; 77, с. 216\]](#). Правила являются одним из свидетельств официального признания русского масонства на краткий промежуток времени – с 1811 года и до запрета масонских лож 1 августа 1822 года.

Библиография

1. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т.
2. Логика правового исследования (Как написать диссертацию). — М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. — 560 с. 2.Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I : Истор. очерки А.Н. Пыпина.-3-е изд., доп.-Санкт-Петербург : тип.

- М.М. Стасюлевича, 1900.-XIV, 587 с.
3. Семевский В.И. Декабристы-масоны//Минувшие годы. 1908. №2. С. 1-50.
 4. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1812 : [В 2-х ч.].-СПб. : Имп. Академия наук, 1812. Ч. 1.-1812.-XXXVIII, [2], 647 с.
 5. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1815 : [В 2-х ч.].-СПб. : Имп. Академия наук, 1815. Ч. 1.-1815.-XXXVIII, [2], 744 с.
 6. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1816: [В 2-х ч.].-СПб. : Имп. Академия наук, 1816. Ч. 1.-1816.-XXXVIII, [2], XXII, 792, [1] с.
 7. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818: [В 2-х ч.].-СПб. : Имп. Академия наук, 1818. Ч. 1.-1818.-XL, 856 с.
 8. Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии / Изд. под ред. Н. Дубровина. Вып. 1.-Санкт-Петербург, 1876-1917.-26. Вып. 11.-1902 (обл. 1901).-XIII, 510 с.
 9. Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии / Изд. под ред. Н. Дубровина.-СПб. : Гос. тип., 1876-1915. Вып. 1 : [Указы и рескрипты 1812 г.].-1876.-XXXVI, 466, XIII с.
 10. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 109 (Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии). Оп. 1а (Секретный архив. Революционное и общественное движение в России в 1826-1880 гг.). Д. 2246 (Проект условий существования обществ, товариществ, братств и др. организаций, в том числе разрешенной правительством масонской ложи «Владимира к истине»). 3л.
 11. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1137 (Вернадский Георгий Владимирович, историк, профессор русской истории Йельского университета (Нью-Хейвен, США). Оп. 1 (Вернадский Георгий Владимирович профессор русской истории Йельского университета. 1857-1931). Д. 126 (Записки (без подписи) «О масонских ложах и других тайны обществах» с 1811-1826 гг. (из секретного отдела Военно-Ученого архива). Копии). 69 л.
 12. Соколовская Т.О. Из материалов по истории масонства. (Секретное отношение министра внутренних дел к начальнику главного штаба, 9 января 1826 г., №13.)// Русская старина. 1907. Февраль. С. 344-346.
 13. Серков А.И. История русского масонства XIX века/ Русское масонство : Материалы и исслед. / Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова.-2. изд., испр. и расш. Т.4.-СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2000.-390, [3] с.
 14. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1053 (РОМАНЧЕНКО). Оп. 1 (Дела постоянного хранения). Д. 121 (Рапорт обер-прокурора Сената Баранова Д. министру юстиции, записка Баранова Сенату и постановление Сената о повышении цен на узаконения, издаваемые Сенатом). 14л.
 15. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1165 (Особенная канцелярия министерства внутренних дел). Оп.1 (Опись о противоправительственных выступлениях, положении крестьян, об Отечественной войне 1812 г. и др. вопросам. 1810-1826). Д. 151 (Переписка с военным министром о применении постановления Комитета министров о предоставлении губернаторам пограничных губерний более широких полномочий для наблюдения за населением). 8л.

16. Сборник Императорского Русского Исторического Общества.-СПб., 1867-1916.-148 т. Т. 74 : Журналы Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года.-1891.-6, XX, 502 с.
17. Манифест об «Общем учреждении министерств» от 25 июня 1811 г. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.6. Законодательство первой половины XIX века. Отв. ред. О.И.Чистяков. М., Юридическая литература, 1988. С. 92-134.
18. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 109 (Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии). Оп.3а (Секретный архив. Вопросы внутреннего положения и внутренней политики царского правительства 1820-1880 гг.).
19. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1165 (Особенная канцелярия министерства внутренних дел). Оп.1 (Опись о противоправительственных выступлениях, положении крестьян, об Отечественной войне 1812 г. и др. вопросам. 1810-1826). Оп.2. (Опись о борьбе со шпионажем, наблюдении за иностранцами и др. вопросам. 1808-1826).
20. Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии / Изд. под ред. Н. Дубровина.-СПб. : Гос. тип., 1876-1915. Вып. 3.-1890.-XIX, 512, [1] с.
21. Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии / Изд. под ред. Н. Дубровина.-СПб. : Гос. тип., 1876-1915. Вып. 4.-1891.-XXIII, 493 с.
22. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1137 (Вернадский Георгий Владимирович, историк, профессор русской истории Йельского университета (Нью-Хейвен, США). Оп. 1 (Вернадский Георгий Владимирович профессор русской истории Йельского университета. 1857-1931). Д. 111 (Список дел о московских обществах Военно-ученого архива Главного штаба по каталогу, составленному Бендером). 5л.
23. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1137 (Вернадский Георгий Владимирович, историк, профессор русской истории Йельского университета (Нью-Хейвен, США). Оп. 1 (Вернадский Георгий Владимирович профессор русской истории Йельского университета. 1857-1931). Д. 127 (Выписки из дел архивов Департамента полиции и Государственного совета о масонских обществах за 1810-1826 гг.). 31л.
24. Пыпин А.Н. Русское масонство : XVIII и первая четверть XIX в. / А.Н. Пыпин; Ред., [предисл.] и примеч. Г.В. Вернадского.-Петроград : Огни, 1916.-VIII, 571, [4] с.
25. Российский государственный архив древних актов. Фонд 8 (Разряд VIII. Калинин дом и дела о преступлениях против нравственности). Оп. 1 (Дела Главной полицмейстерской канцелярии и «Калинской комиссии» по борьбе с проституцией. Дело о Н.И. Новикове. Документы о масонах в России и масонские рукописи). Ед.хр. 261 (Письмо Александра I гр. Виктору Павловичу о закрытии в России масонских лож). 2 л.
26. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1165 (Особенная канцелярия министерства внутренних дел). Оп.2 (Опись о борьбе со шпионажем, наблюдении за иностранцами и др. вопросам. 1808-1826). Д. 75 (Записка Министерства полиции об утверждении правил поселения иностранных переселенцев в Бессарабской обл.). 27л.
27. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1165 (Особенная канцелярия министерства внутренних дел). Оп.2 (Опись о борьбе со шпионажем, наблюдении за

- иностранцами и др. вопросам. 1808-1826). Д. 85 (Правила, циркулярные предписания Министерства полиции и переписка с губернаторами по вопросам пропуска через границу). 229л.
28. Серков А.И. Русское масонство. 1731-2000 : Энцикл. слов. / А.И. Серков.-М. : РОССПЭН, 2001.-1222 с.
29. Уничтожение масонских лож в России в 1822: вновь открытые секретные записки и донесения сенатора Е.А. Кушелева// Русская старина.-1877.-Т. 18.-С.455-480.
30. Соколовская Т. Раннее Александровское масонство. Возрождение масонства / Масонство в его прошлом и настоящем : [в 2 томах] / под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова.-[Репр. изд.].. Т. 2.-М.: ИКПА, 1991.-266 с.
31. Кучурин В. В. Из истории политической борьбы в начале XIX в.: нереализованный проект масонской реформы М.М. Сперанского// Петербургский исторический журнал Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук № 3 (11) 2016. – С.6-18.
32. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1814 : [В 2-х ч.].-СПб. : Имп. Академия наук, 1814. Ч. 1.-1814.-XXXVIII, [2], 704, 9, [1] с.
33. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1819 : [В 2-х ч.].-СПб. : Имп. Академия наук, 1819. Ч. 1.-1819.-XL, 927 с.
34. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1820 : [В 2-х ч.].-СПб. : Имп. Академия наук, 1820. Ч. 1.-1820.-XL, 971, [1] с.
35. Кондаков Ю.Е. Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук [Текст] : монография / Ю. Е. Кондаков.-Санкт-Петербург : Астерион, 2012.-615 с.
36. Вишленкова Е.А. Религиозная политика в России, первая четверть XIX века : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02.-Казань, 1998.-466 с.
37. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского [Текст] : [т. 1-2].-Санкт-Петербург : Изд. Императорской публичной б-ки, 1861.-24 см. Т. 1, ч. 1 и 2: Т. 1, (ч. 1 и 2).-1861.-XVIII, 283, [2] с.
38. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1811 : [В 2-х ч.].-СПб. : Имп. Академия наук, 1811. Ч. 1.-1811.-XLII, [2], 612, [1] с.
39. Сборник Императорского Русского Исторического Общества.-СПб., 1867-1916.-148 т. Т. 45 : Финансовые документы царствования императора Александра I / Собраны и изданы А. Н. Куломзиным.-СПб. : тип. В. Безобразова и Комп., 1885.-[6], VI, 623 с.
40. Соколовская Т.О. Тайные архивы русских масонов / Т. Соколовская, Д. Лотарева.-Москва : Вече, 2007.-477, [1] с.
41. Российское законодательство X-XX веков : [Тексты и коммент.]. В 9-ти т. / Под общ. ред. [и с предисл.] О. И. Чистякова.-М. : Юрид. лит., 1984.-22 см. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века [Текст].-М. : Юрид. лит., 1988.-431 с.
42. Корф С.А. Русское государственное право / Бар. С.А. Корф, орд. проф. Имп. Александр. ун-та в Гельсингфорсе. Ч. 1.-Москва : скоропеч. А.А. Левенсон, 1915.-25. Ч. 1.-1915.-IV, [2], 315 с.
43. Михеева И.В. Законодательный процесс в Российской империи: к вопросу о министерской инициативе // Традиции и новаторство русской правовой мысли:

- история и современность: (к 100-летию со дня смерти С.А. Муромцева): материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 30 сентября-2 октября 2010 г.: в 3 ч.- Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010, Ч. 2.-С. 230-249.
44. Михеева И.В. Своеобразие законодательной инициативы в Российской империи//Вестник Нижегородской академии МВД России, 2011, №1 (14). С. 54-57
45. Нольде Б.Э. Законодательный почин по русскому праву // Право. — 1911. — № 44. — Ст. 2418.
46. Шершеневич Г.Ф. Философия права / Г. Ф. Шершеневича.-Москва : Бр. Башмаковы, 1910-1912.-24 см. Т. 1, вып. 1: Часть теоретическая. вып. 1. Общая теория права.- 1910.-VI, 320 с.
47. Михеева И.В. Правотворческая деятельность министерств Российской империи в XIX-начале XX в. : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Михеева Ирина Вячеславовна; [Место защиты: Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний].-Владимир, 2011.-45 с.
48. Кодан С.В. Юридическая политика Российского государства : 1800-1850-е гг. : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Ин-т государства и права РАН.-Москва, 2004.-60 с.
49. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1165 (Особенная канцелярия министерства внутренних дел). Оп.1 (Опись о противоправительственных выступлениях, положении крестьян, об Отечественной войне 1812 г. и др. вопросам. 1810-1826). Д. №34 (Переписка с Петербургским военным генерал-губернатором и рижским военным губернатором об открытии в Митаве масонской ложи свободных каменщиков). бл.
50. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века [Текст] : монография / А. Ю. Минаков.-Москва : Директ-Медиа, 2011.-558, [1] с.
51. Захаров В.Ю. Российский конституционализм 2-ой половины XVIII – 1-ой четверти XIX вв. в контексте развития западноевропейской правовой мысли : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Захаров Виталий Юрьевич; [Место защиты: ГОУВПО "Московский педагогический государственный университет"].-Москва, 2010.-1142 с.
52. Гауеншильд Ф.М. М.М. Сперанский (по Гауеншильду) // Русская старина. 1902. Кн. 2. С. 251-262.
53. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки Ф.147 (Ланской, Сергей Степанович (1787-1862); Ешевский, Степан Васильевич (1829-1865)) №6 /м1883/ (Документы XVIII и XIX вв: От начальника полиции начальникам масонских обществ в СПб.1810). Лл. 81-84об.
54. Записки Якова Ивановича Де-Санглена. 1776-1831 Сообщ. М.И. Богданович. Русская старина 1883 №1. С. 1-46.
55. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 109 (Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии). Оп. 62 (2-я экспедиция. 1832 г.). Дело №54 (Дело о бумагах относительно масонства, оставшихся по кончине государя цесаревича). 5л.
56. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1165 (Особенная канцелярия министерства внутренних дел). Оп.3 (Инвентарная опись №3. 1811-1826). Дело №61 (Записки о масонских ложах, копия древней немецкой рукописи «Дровосеки» и выдержки из уголовного кодекса, похищенного у сейма в 1818 г. (о тайных обществах), обнаруженные в кабинете Александра I после его смерти, при рапорте начальника Главного штаба «е.и.в.» Дибича цесаревичу Константину). 23 л.

57. Щеглов В.Г. Государственный совет в России, в особенности в царствование императора Александра Первого: историко-юридическое исследование / [соч.] В. Г. Щеглова.-Ярославль : Типо-лит. М. Х. Фальге, 1892-1895.-2 т.-Общее загл. 2-го т. : Гос. совет в России. Т. 2. Вып. 1 : Государственный совет в царствование императора Александра Первого.-1895.-[61, v, 501, [1] с.
58. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1463 (КОЛЛЕКЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ). Оп. 3 (Коллекция отдельных документов личного происхождения (1760-1948 гг.)). Дело 2321 (Копии, выписки из документов фонда начальника Главного штаба первой армии, из переписки Дибича И.Н. с великим князем Константином Павловичем и других источников, сделанные неустановленным лицом содержащие сведения о первых декабристских организациях, о деятельности масонских лож, об обществе "Соединенных славян", Северном и Южном обществах, о восстании 14 декабря и о восстании Черниговского полка). 43л.
59. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 48 (СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ (КОМИТЕТ) И ВЕРХОВНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД ПО ДЕЛУ ДЕКАБРИСТОВ). Оп. 1 (Следственная комиссия (комитет) и Верховный уголовный суд по делу декабристов 1825-1826 гг.). Д. 12 (Дело о рассмотрении в Следственной Комиссией документов, обнаруженных в кабинете Александра I после его смерти: записки и письма Ф. Булгарина, Н.Колтовской, М.К. Грибовского, К.Батюшкова, Е. Кушелева, Д.Завалишина и др. о положении масонских лож в России, настроении в разных слоях русского общества, о настроении поляков, в солдатской среде). 90 л.
60. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки Ф. 014 (Арсеньев Василий Сергеевич : собрание, XVIII-XIX в.) №370 (Дела ложи Ищущих Манны). 311 л.
61. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки Ф.147 (Ланской, Сергей Степанович (1787-1862); Ешевский, Степан Васильевич (1829-1865)) №32 (Выписки из протоколов союза Великой провинциальной ложи, составленные для правительства). 277л.
62. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки Ф.147 (Ланской, Сергей Степанович (1787-1862); Ешевский, Степан Васильевич (1829-1865)) №75 (переписка официальная масонов с властями, в т.ч. о закрытии лож в 1822 г. и в 1826 г. с 1816 по 1826 гг.). 184л.
63. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе.-Санкт-Петербург : в Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830-1885.-31 см. Т. 1, [2]: С 09.06.1826 по 14.10.1826 : от №401 до 617.-1830.-С. 549-1034 : табл.
64. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2.-Санкт-Петербург : в Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830-1885.-31 см. Т. 16: 1841 : Отд-ние 2. От № 14987-15187.-1842.-658 с. разг. паг.
65. Karlheinz Gerlach Die Freimaurer im Alten Preussen 1738-1806: die Loge in Berlin. Teil 1. Publisher, StudienVerlag, Innsbruck, Wien, Bozen 2014. – 1254 s.
66. Севастьянов Ф. Развитие «высшей полиции» при Александре I/Жандармы России / [Сост. В.С. Измозик].-СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-Пресс, 2002.-638, [1] с.
67. Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801-1917 : В 4 т. / Федер. арх. служба России. Рос. гос. ист. арх. Гос арх. РФ.; [Отв. сост. Д. И. Раскин]. Т. 2: Центральные государственные учреждения.-СПб. : Наука-2001.-259, [1] с.
68. Наставление Комитету высшей полиции. 1805 г./Жандармы России / [Сост. В.С. Измозик].-СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-Пресс, 2002.-638, [1] с.

69. Записка Н.Н. Новосильцева об учреждении Комитета охранения общей безопасности» /Жандармы России / [Сост. В.С. Измозик].-СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-Пресс, 2002.-638, [1] с.
70. Шильдер Н.К. Император Александр I: Его жизнь и царствование: С 450 иллюстрациями: [В 4-х т.] / [Соч.] Н. К. Шильдера.-2 изд.-СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1904-1905.Т. 2.-1904.-408 с.
71. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки Ф.147 (Ланской, Сергей Степанович (1787-1862); Ешевский, Степан Васильевич (1829-1865)) №6 /м1883/ (Документы XVIII и XIX вв: Записка о масонах, составленная после донесения Розенкампа и Фесслера). Л. 108-129.
72. Устав благочиния или Полицейской. : Часть первая. : [Утвержден в Санктпетербурге апреля 8 дня 1782 года].-[Санктпетербург] : [Сенатская тип.], [1782].-[4], 75, [1] с.
73. Кодан С.В. Политико-юридический подход в исследовании государственно-правового развития России (XIX – начало XX вв.) // Социодинамика. — 2012.-№ 2.- С.88-117. DOI: 10.7256/2306-0158.2012.2.177. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_177.html
74. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1165 (Особенная канцелярия министерства внутренних дел). Оп. 3 (Инвентарная опись №3. 1811-1826). Д. 54 (Рапорты мастеров «Великой провинциальной ложи» Жеребцова А.А., гр. Виельгорского М.Ю. и др. главнокомандующему г. Петербурга о деятельности этой и др. лож с приложением протоколов заседаний, списков членов лож и др. материалов). 265 л.
75. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1165 (Особенная канцелярия министерства внутренних дел). Оп. 3 (Инвентарная опись №3. 1811-1826). Д. 55 (Рапорты, протоколы заседаний, списки членов, переписка и др. материалы о деятельности "Великой ложи Астрея" и др. масонских лож). 548 л.
76. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1165 (Особенная канцелярия министерства внутренних дел). Оп. 3 (Инвентарная опись №3. 1811-1826). Д. 56 (Донесения "великого" мастера "масонской" ложи Астрея Министерству внутренних дел о деятельности ложи с приложением отчетов, протоколов заседаний и переписка о приеме новых членов и организации новых лож в Москве и Кишиневе). 104 л.
77. Шильдер Н.К. Император Александр I : Его жизнь и царствование : С 450 иллюстрациями : [В 4-х т.] / [Соч.] Н. К. Шильдера.-2 изд.-СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1904-1905.Т. 4.-1905.-651 с.